

Посвящается КМО (и БКМО!)

Содержание

От автора 9

Введение

«Это не работает. Вы сняты с должности» 15

Часть первая. Мечта

Глава первая

«Мистер Норден с удовольствием
проводил время в своей мастерской» 25

Глава вторая

«Мы продвигаемся вперед,
не сдерживаемые традициями» 41

Глава третья

«Он не знал чувства человеческой симпатии» 62

Глава четвертая

«Самый искренний и горячий сторонник» 83

Глава пятая

«Генерал Ханселл пришел в ужас» 101

Часть вторая. Испытание

От автора 123

Глава шестая

«Это будет самоубийство, парни,
это будет просто самоубийство» 127

Глава седьмая

«Итак, если Ты поклонисься мне,
то все будет Твое» 148

Глава восьмая

«Все превратилось в пепел.
И это, и это, и это — всё» 169

Глава девятая

«Импровизированный разгром» 186

Заключение

«Воздушный дом вдруг исчез бы. Раз — и нету» 201

Благодарности 207

Примечания 209

Об авторе 225

От автора

В детстве мой отец, лежа в постели, слышал, как самолеты проносятся над головой. Самолеты летели из Германии — а потом, ранним утром, мчались обратно. Дело было в Англии, в графстве Кент, несколькими километрами юго-восточнее Лондона. Отец родился в 1934 году, а значит, ему было пять, когда разразилась Вторая мировая война. Британцы называли Кент бомбовой аллеей, потому что именно над этим английским графством пролетали боевые машины немцев, направляясь к Лондону.

И в те годы нередко случалось так, что, если бомбардировщик не сумел выйти на цель или у него остались в запасе бомбы, он просто сбрасывал их на обратном пути — где угодно. Однажды такая вот случайная бомба свалилась в садик за домом моих бабушки и дедушки. Она не взорвалась. Она торчала там, наполовину зарывшись в землю. Мне кажется, вполне справедливо предположить: если вы — пятилетний мальчишка, интересующийся всякой техникой, падение на вашем заднем дворе немецкой бомбы и то, что она не взорвалась, будет представляться вам едва ли не самым удивительным приключением в жизни.

Впрочем, отец рассказывал об этом иначе. Он был математик и к тому же англичанин. Это значит, что для него язык эмоций не был *родным*, а скорее являлся чем-то вроде латыни или французского — языком, который вы можете изучать и со временем начать понимать, но которым никогда

не овладеете в совершенстве. Нет-нет: то, что немецкая бомба, так и не разорвавшаяся на заднем дворе, могла стать самым необычным событием с точки зрения пятилетнего ребенка, — *моя* интерпретация: нечто подобное возникло у меня в голове, когда отец рассказывал мне эту историю о бомбе. Мне самому тогда исполнилось пять лет.

Было это в конце 1960-х. Мы жили в Англии — в Саутгемптоне. Там все еще повсюду оставались свидетельства того, что пришлось пережить стране в военные годы. Приезжая в Лондон, вы могли заметить, куда падали бомбы: на это указывали все те места, где отвратительные здания в стиле брутализма* вымахали посреди какого-нибудь квартала, построенного несколько столетий назад.

В нашем доме всегда было включено радио ВВС, и в те времена казалось, что героем каждого второго интервью выступает какой-нибудь старый генерал, или отставной парашютист, или бывший военнопленный. Первый рассказ, который я написал в детстве, строился вокруг идеи, что Гитлер жив и намерен снова напасть на Англию. Я отправил свое произведение бабушке, той самой, которая жила в Кенте и в чьем садике некогда торчала неразорвавшаяся бомба. Когда мама узнала об этом, она меня укорила: человеку, пережившему войну, вряд ли будет приятна история о том, что Гитлер возвращается.

Как-то раз отец повез меня и моих братьев на пляж, откуда открывался вид на Ла-Манш. Мы вместе ползали среди раз-

* Брутализм (от лат. *brutus* — грубый, суровый; от фр. *béton brut* — необработанный бетон) — направление в архитектуре 1950-х — 1970-х гг., одно из течений послевоенного архитектурного модернизма. Возник в Великобритании, затем распространился по многим другим странам мира. (Под данным термином обычно подразумевают так называемый новый брутализм, или необрутализм.) Среди характерных черт — функциональность, подчеркнутая массивность форм и конструкций, сложность композиционных решений, отказ от декорирования поверхности строительных материалов, основным из которых является железобетон. — *Прим. пер.*

валин укреплений времен войны. До сих пор помню, как я с замиранием сердца думал: а вдруг мы найдем старые патроны, гильзу или даже скелет какого-нибудь давно пропавшего немецкого *шпиона*, когда-то вынесенный на берег?

Пожалуй, с тех пор мы не утратили детской увлеченности всеми этими вещами. Во всяком случае я-то уж точно ее не лишился. Я всегда шутливо говорю, что прочел все на свете романы, где встречается слово «шпион». А однажды, несколько лет назад, я разглядывал свои книжные полки и вдруг с удивлением осознал: сколько же документальных книг о войне я успел собрать! Тут были не только нашумевшие «исторические бестселлеры», но и узкоспециальные тома. Мемуары, которые давно не переиздавались. Различные научные труды. И какой же стороне войны было посвящено большинство этих книг? Бомбежкам. «Военно-воздушная мощь» (Air Power) Стивена Будянски, «Риторика и реальность воздушного боя» (Rhetoric and Reality in Air Warfare) Тами Дэвис Биддл, «Решение по поводу Швайнфурта» (Decision over Schweinfurt) Томаса М. Коффи. Мои полки так и ломились от такого рода исторических работ*.

Как правило, если я начинаю собирать книги подобным образом, это означает: я хочу что-то написать на данную тему. У меня не одна полка книг по социальной психологии, потому что я с давних пор зарабатываю как автор книг, посвященных данной тематике. Но я никогда ничего толком не писал о войне — особенно о Второй мировой. И о боевой авиации тоже почти ничего не писал. Так, какие-то кусочки**. Почему? Не знаю. Думаю, какой-нибудь фрейдист с удовольствием

* Я мог бы привести множество других примеров. Так, если вы не читали «Пёрл-Харбор: Предостережение и решение» Роберты Волштеттер, знайте: вы пропустили увлекательнейшую книгу. — *Прим. авт.*

** Тему боевой авиации я немного затрагивал в некоторых эпизодах своего подкаста «Пересматривая историю» (Revisionist History): например, в выпусках «Сайгон-1969», «Премьер-министр и Профессор», а также в серии выпусков,

заялся бы этим вопросом. Но, возможно, тут есть нехитрый ответ: чем *важнее* для вас тема вашего сочинения, тем труднее вам отыскать сюжет, через который вы бы хотели раскрыть ее. Попросту говоря, планка выше. Тут-то мы и подходим к «Бомбардировочной мафии» — книге, которую вы сейчас читаете. Рад признаться: в данном случае я все-таки нашел историю, достойную моей одержимости.

И еще насчет *одержимости*. Эта книга написана в угоду моим собственным увлечениям. Но заодно это еще и рассказ о страстных увлечениях других людей, об одном из самых сильных и безумных пристрастий XX века. Оглядываясь назад и размышляя над тем, о чем я писал (и что я исследовал) на протяжении многих лет, я обнаружил, что меня снова и снова тянет изучать тех, кто чем-то страстно увлечен. Мне нравятся такие люди. Мне нравится сама мысль, что кто-то может отодвинуть в сторону все заботы и мелочи, из которых состоит наша повседневная жизнь, и сосредоточиться на чем-то одном, на том, что отвечает неким очертаниям, возникающим в воображении. Иногда полностью отдающиеся своей идее люди сбивают нас с пути. Порой они не видят картину во всей ее полноте. Порой служат не только интересам всего мира, но и своим собственным, более узким. Но мне кажется, что без таких одержимых у нас не было бы прогресса, обновления, радости, красоты.

Однажды во время работы над книгой я обедал с тогдашним начальником штаба американских ВВС Дэвидом Голдфэйном. Мы встретились в Воздушном доме*, который находится на территории Объединенной базы Майер-Хендерсон-холл (север штата Вирджиния, совсем

начавшейся с «Бомбардировочной мафии» (этот эпизод дал название данной книге) в пятом сезоне.

* Так называемый Воздушный дом, или Air House, в штате Вирджиния — официальная резиденция начальника штаба ВВС США. — *Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, прим. науч. ред.*

рядом — город Вашингтон, надо лишь пересечь реку Потомак). Это один из величественных особняков, выстроенных в викторианском стиле и составляющих здесь целую улицу, где проживают многие из военачальников страны. После обеда генерал Голдфейн предложил группе своих друзей и коллег (также принадлежавших к числу высокопоставленных руководителей ВВС) присоединиться к нам. Мы уселись на заднем дворе генеральского дома. Всего нас было пятеро. Почти все мои спутники когда-то служили военными летчиками (как и отцы многих из них). В сущности, передо мной был современный аналог тех людей, о которых вы прочтете в этой книге. И в эти вечерние часы я стал все отчетливее замечать одну вещь.

Воздушный дом расположен совсем рядом с Национальным аэропортом Рейгана — туда можно быстро доехать по шоссе. И примерно каждые десять минут над нашими головами проносился взлетевший самолет. Не какой-нибудь особенный, а обычный коммерческий пассажирский лайнер, направляющийся в Чикаго, или Тампу, или Шарлотт. И всякий раз, когда над нами пролетала одна из этих машин, генерал и его товарищи поднимали глаза — просто чтобы взглянуть. Они не могли удержаться. Безумно увлеченные люди. Мне такие по душе.

ВВЕДЕНИЕ

«Это не работает. Вы сняты с должности»

I

То были времена, когда самый большой аэропорт в мире располагался где-то посреди западной части Тихого океана, примерно в полутора тысячах километров от японского побережья, на одном из тропических островков небольшого архипелага Марианские острова. Гуам. Сайпан. Тиниан. Марианские острова представляют собой южную оконечность горной цепи, основная часть которой находится под водой. Это вершины вулканов, торчащие над поверхностью глубокого океана. Вообще-то на протяжении почти всей своей истории Марианские острова не вызывали особого интереса в мире: они казались слишком маленькими для того, чтобы их можно было как-нибудь использовать. Но с наступлением эпохи боевой авиации они вдруг приобрели колоссальное значение.

В течение почти всей Второй мировой войны Марианские острова находились под управлением Японии. Но после серии ожесточенных сражений их заняли американские войска. Это было летом 1944 года. Первым пал Сайпан — в июле. За ним последовали Тиниан и Гуам (в августе). Вместе с американскими морпехами сюда высадились «морские пчелы»

(строительный батальон американских военно-морских сил) — и тут же приступили к работе.

Всего через три месяца на Сайпане появилась целая военно-воздушная база Айли-филд, полностью готовая к работе. Затем на острове Тиниан возник самый крупный аэропорт в мире — Норт-филд (четыре полосы длиной примерно по 2600 метров каждая). А потом на Гуаме открылась военно-воздушная база Андерсен (как она именуется сейчас), ставшая воротами на Дальний Восток для американских ВВС. Ну а потом сюда прибыли самолеты.

В те годы закадровый голос в фильмах о войне часто принадлежал Рональду Рейгану*. Одна из этих картин была посвящена первым боевым вылетам В-29, тяжелого бомбардировщика, который называли «Суперкрепостью»**. Голос Рейгана описывал этот самолет как одно из чудес света, могучую боевую машину:

Мощность каждого из четырех двигателей — 2200 лошадиных сил. Емкость топливных баков равна емкости железнодорожной цистерны. Хвост — высотой с двухэтажный дом. Корпус длиннее корвета***. Создан для того, чтобы приносить больше разрушений и нести свою мощь выше, быстрее, дальше, чем любой из когда-либо созданных бомбардировщиков. И ему нужно было именно это, чтобы успешно выполнить свою задачу.

* В конце 1930-х — начале 1960-х гг. Рейган много снимался в кино. — *Прим. пер.*

** Американский тяжелый бомбардировщик дальнего действия компании «Боинг». Создан в 1941 г., в серийном производстве с декабря 1943 г. Название «Суперкрепость» В-29 частично унаследовал от своего выдающегося предшественника — дальнего бомбардировщика В-17 «Летающая крепость» (приставка «супер» подчеркивала абсолютные превосходные качества нового бомбардировщика).

*** Очевидно, имеется в виду одноименный класс боевых надводных военных кораблей.

В-29 мог летать быстрее и выше, чем любой другой бомбардировщик того времени, но самое главное — он превосходил их по дальности полета. И тут очень кстати пришелся захват Марианских островов. Теперь Военно-воздушные силы США впервые после начала войны на Тихом океане могли нанести удар непосредственно по Японии. Специально для управления целым флотом бомбардировщиков, размещенных на Марианских островах, была создана 21-я бомбардировочная команда. Ее возглавил блистательный молодой генерал Хейвуд Ханселл.

На протяжении осени 1944-го и зимы 1944/45 года Ханселл проводил одну атаку за другой. Сотни В-29 пронеслись над тихоокеанскими водами, сбрасывали свой смертоносный груз над Японией и затем поворачивали обратно — в сторону Марианских островов. Летчики Ханселла готовились обрушить очередной удар на Токио, а из континентальной Америки прилетали репортеры и группы кинооператоров, чтобы запечатлеть весь этот энтузиазм и потом показать его миллионам американцев.

Снова звучит голос Рональда Рейгана:

Наши В-29 на Сайпане были подобны артиллерии, нацеленной в самое сердце Японии. <...> С таким же успехом япошки могли бы попытаться остановить Ниагарский водопад. 21-я бомбардировочная команда готова была поразить свою первую цель.

6 января 1945 года на Марианские острова прибыл командир Ханселла — генерал Лорис Норстад. На Гуаме по-прежнему все было обустроено довольно примитивно: штаб-квартира подразделения ютилась в нескольких сборных домиках из гофрированного железа, теснившихся на утесе с видом на океан. Оба генерала наверняка чувствовали себя измотанными — не только из-за лишений, но и из-за немалого бремени ответственности на их плечах.

Однажды я прочитал у Артура Харриса, маршала Королевских ВВС, что это означало — быть авиационным командиром во Вторую мировую:

Пожалуй, то чудовищное умственное напряжение, которое возникает при командовании крупным авиационным подразделением во время войны, в полной мере могут понять лишь те очень немногие, кому довелось самим испытать его. Военно-морскому командиру может потребоваться провести масштабную операцию не больше одного-двух раз за всю войну. В сухопутных войсках командир участвует в бою, скажем, раз в полгода, а в исключительных обстоятельствах — раз в месяц. Но командир бомбардировочного соединения вынужден бросать его в бой целиком каждые 24 часа. <...> Пусть читатель сам представит себе, во что перерастает это ежедневное напряжение, когда оно длится не один год.

Итак, Ханселл и Норстад находились на Гуаме. Эти два авиатора устали от боев и надеялись, что присутствуют при начале последней главы войны. Ханселл предложил гостю небольшую экскурсию: постоять на пляже, полюбоваться новенькими взлетно-посадочными полосами, прорезанными в джунглях. Поговорить о тактике, о планах. Однако Норстад ответил отказом. Он прилетел обсудить более личный вопрос. Хейвуд Ханселл запомнит этот момент навсегда. Норстад повернулся к нему и произнес:

— *Это не работает. Вы сняты с должности.*

«Подо мной словно земля разверзлась. Я был совершенно раздавлен». Так спустя много лет Ханселл описывал свои чувства в ту минуту. И тут Норстад нанес второй удар, еще более болезненный:

— *Вместо вас я назначаю Кёртиса Лемея.*

Генерала Кёртиса Эмерсона Лемея, 38 лет от роду, героя бомбардировочных кампаний в небе над Германией! Это был один из легендарных летчиков своего поколения. Ханселл хорошо его знал. Когда-то они вместе служили в Европе. И Ханселл тут же понял: речь не идет о простой кадровой перестановке. Это демонстративный упрек, это полная смена курса. Вашингтон словно бы признавал: все, что делал Ханселл, теперь сочтено неправильным. Ибо Кёртис Лемей являл собой полную противоположность Хейвуду Ханселлу.

Норстад заметил, что Ханселл может при желании остаться в составе подразделения — как заместитель Лемея. Предложение показалось Ханселлу столь оскорбительным, что он почти утратил дар речи. Норстад отвел ему десять дней на сдачу дел. Ханселл провел их как в тумане. В свою последнюю ночь на Гуаме он выпил немного больше обычного и спел своим ребятам (молодой полковник подыгрывал ему на гитаре): «Старые пилоты никогда не умирают, они лишь в небо, в небо улета-а-ают»*.

Кёртис Лемей прилетел на остров на бомбардировщике В-29, которым он собственноручно управлял. В честь его прибытия исполнили «Звездно-полосатый флаг»**. Прошел

* Отсылка к крылатому выражению «Старые солдаты не умирают», полная версия которого звучит как «Old soldiers never die, they simply fade away» или «Старые солдаты не умирают, они просто уходят вдаль». Данное выражение является компиляцией из строфы одноименной солдатской фольклорной песни, зародившейся в британской армии. Впоследствии появилось несколько видоизмененных версий баллады, посвященных летчикам, морякам и представителям других специальностей. Как и когда она попала в США — доподлинно неизвестно. В Америке данное выражение получило широкое распространение после того, как в 1951 г. его использовал в своей прощальной речи перед Конгрессом США генерал Дуглас Макартур — ветеран и один из наиболее узнаваемых американских командиров Второй мировой войны. Макартур сражался на Тихоокеанском фронте, что перекликается с темой данной книги, так что, судя по всему, различные версии данной песни уже тогда имели большую популярность во всех родах войск США.

** Название гимна США. — *Прим. пер.*

смотр войск — летчики промаршировали перед новым командующим. Офицер, отвечавший за связи с общественностью, предложил, чтобы Ханселла и Лемея сфотографировали вдвоем в ознаменование памятного момента. Лемей, по всегдашнему обыкновению, держал во рту трубку — и теперь не знал, что с ней делать. Он все пытался засунуть ее в карман. Его помощник предложил:

— Генерал, позвольте, я подержу вашу трубку, пока вас будут снимать.

Лемей негромко спросил:

— Где мне встать?

Защелкали фотоаппараты. Они запечатлели Ханселла, с прищуром глядящим вдаль, а Лемея — уставившимся себе под ноги. Им явно не терпелось как можно скорее оказаться где угодно, лишь бы не в обществе друг друга. На этом все и кончилось.

«Бомбардировочная мафия» рассказывает о том, что было связано с этим моментом. О том, что к нему привело и что было дальше. Потому что эхо случившегося тогда — смены командования — звучит и по сей день.

2

В технологических революциях есть одна особенность, которая всегда меня озадачивала. Появляется некая идея или новшество — и всем делается очевидно, что это перевернет весь наш мир. Интернет. Соцсети. У предыдущих поколений — телефон и автомобиль. Всякий раз возникают ожидания, что благодаря этому новому изобретению жизнь станет лучше, эффективнее, безопаснее, богаче, быстрее. В каком-то смысле так и происходит. Но потом что-то непременно идет наперекосьяк. Был момент, когда соцсети превозносились как инструмент, который позволит обычным гражданам свергнуть тиранию. И вдруг, не успеешь оглянуться, как

соцсети начинают вызывать опасения — как платформа, которая позволит гражданам тиранить друг друга. Или взять автомобиль. Думали, что он принесет нам свободу и мобильность. Какое-то время так и было. А потом миллионы людей обнаружили, что живут за много километров от своего рабочего места и стоят в нескончаемых пробках, так что путь на работу и с работы оказывается невероятно долгим. Так почему же иногда — по целому ряду неожиданных и случайных причин — технология соскальзывает с запланированного пути?

«Бомбардировочная мафия» — исследование, показывающее на одном примере, как мечты принимают неожиданный и нежелательный оборот. И как новые, блистательные идеи, падающие к нам с небес, не любят мягко опускаться нам на колени. Они предпочитают рухнуть на землю и разлететься вдребезги. Собственно говоря, та история, которую я хочу поведать, — это не история о войне, хоть действие и разворачивается по большей части в военное время. Это рассказ об одном голландском гении и о его самодельном компьютере. О группе братьев-единомышленников, живших в алабамской глубинке. Об одном британском психопате. О химиках-пироманах, трудившихся в подвальных гарвардских лабораториях. Это рассказ о запутанности наших намерений. Потому что мы всегда забываем эту путаницу, когда оглядываемся назад.

И сердцевина этого повествования — Хейвуд Ханселл и Кёртис Лемей, схлестнувшиеся в джунглях острова Гуам. Одного отправили домой. Другой остался — и в результате случилась самая мрачная ночь Второй мировой. Подумайте над этой историей и задайте себе вопрос, что бы вы сами сделали на их месте. И чью сторону бы заняли.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МЕЧТА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Мистер Норден с удовольствием проводил время в своей мастерской»

I

Давным-давно, когда война, которая вскоре пожрет весь мир, вызывала тревогу, но еще не была свершившимся фактом, внимание американской армии привлек один очень интересный человек.

Звали его Карл Норден. Всю жизнь он старался по возможности держаться в тени. Он работал в одиночку — иногда, в критические периоды, возвращаясь в Европу, чтобы помастерить за материнским кухонным столом, а заодно и помечтать. Он создал собственное предприятие, где служило несколько сотен сотрудников. А потом, когда война завершилась, он забросил все это. Полноценных биографий Нордена не существует. Как и просто статей, посвященных его жизни*. Никто не воздвиг памятник в его честь. Нигде — ни в его родных Нидерландах, ни в Швейцарии, где он окончил свою жизнь, ни в деловом центре Манхэттена, где он вел свою самую важную работу. Норден повлиял

* В 2011 г. я выступил с TED-лекцией о Нордене и его изобретении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru